

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА СИМВОЛИЧЕСКИХ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

(на материале русского и французского языков)

Лексический пласт прилагательных, обозначающих цвет, является одним из продуктивных в русскоязычном и франкоязычном политическом дискурсе. Через цветовой признак говорящий обозначает либо характеризует какое-то социальное понятие, мотивированное этим цветом. Символическая стереотипизация, связанная с оценочной квалификацией, основана на ассоциативной связи цвета, сравнения и образа. В результате возникает семантическое единство закреплённого в сознании носителей языка цветовосприятия и дополнительного социально-оценочного смысла.

Символика цвета — историческая категория, имеющая субъективное толкование, поэтому она национально специфична. В обозначении цвета, а также в цветовых предпочтениях, цветовых социальных символах и сферах их реализации прослеживается различие в видении мира представителями разных эпох и культур. Содержание данных категорий может пе-

ресекаться или не совпадать. Это приводит к появлению цветowych символических (понятийных или эмоциональных) лакун. Например: *un noir* (разг. *ivre*) — *синяк* (разг. *пьяница*); *être vert de froid* — *посинеть от холода*, *vin vert* — *молодое вино* (отсутствие колоризма), *красный* (традиционно поэтическое, устаревшее *красивый, радостный, парадный*) — *rouge* (не имеет аналогичного значения); отрицательные политические коннотации *rouge* (*крайне левый*) в русском языке советской эпохи отсутствуют.

Многие французские цветовые обозначения выражены не прилагательным, а существительным: *marron* (каштан), *cerise* (вишня), *moutarde* (горчица) и др.

Парадигму прилагательных-колоризмов русского политического дискурса начала 90-х годов составляют: *чёрный, белый, зелёный, коричневый, красный*.

Наиболее частотным является определение *чёрный*. Ключевыми словосочетаниями текущего момента стали: *чёрный рынок, чёрные береты, чёрная мафия*.

Фразеологизм *чёрный рынок* (*le marché noir*) в обоих языках имеет аналогичное значение, отрицательный идеологический компонент которого узуально выражен в словарных дефинициях: *незаконные коммерческие операции, спекулятивная торговля* [4, 879; 6, 1242]. Символика цвета во французском языке настолько семантизирована, что в разговорном стиле употребляется часто эллиптическая форма: *acheter au noir*.

Общее понятие *чёрный рынок* может быть конкретизировано: *чёрный рынок труда* (о нелегальном трудоустройстве эмигрантов). Его синонимом является семантический неологизм

работать по-чёрному (*le travail en noir*), который нужно отличать от устоявшегося выражения *чёрная работа*, т.е. “физически тяжёлый и неквалифицированный труд” [4, 879]. Французская калька *travail noir* не имеет аналогичного значения и определяет “незаконную, подпольную работу” [5, 1155]. Таким образом, прилагательное *чёрный* в сочетании с существительным *работа* означает:

— в русском языке: степень тяжести и качество работы или незаконность трудоустройства;

— во французском языке: нелегальное трудоустройство и незаконное производство.

В оценочном плане оба французских значения негативно маркированы. В русском языке одно имеет отрицательные коннотации, оценочность другого зависит от контекста.

С понятием *работа по-чёрному* связано употребление авторских неологизмов: окказионального заимствования *гастарбайтер* и производного от прилагательного “советский” *соварбайтер*, которые получают в речи двойную оценку: положительную в значении “золотые руки” и отрицательную в определении “нелегальной работы”. Им соответствуют эксплицитнооценочное *les ouvriers clandestins* и имплицитнооценочные *Gastarbeiter, les travailleurs immigrés, la main-d'oeuvre étrangère*.

Фразеологизм *чёрный рынок* стал основой сложного прилагательного *чёрнорыночный* (о ценах).

Антиподом *чёрного рынка* является не отмеченное словарями выражение *белый рынок* (т.е. официальный):

- “Белый” рынок мы не стабилизируем, а на “чёрном”

цены подскочат [“Московские новости”(далее “МН”). — 1991, №9].

Символическая антонимия и оценочная оппозиция “хороший” (*белый*) / “плохой” (*чёрный*) построена на контрасте цветов как физического признака.

Сложившийся в общественном сознании социально-психологический стереотип *чёрный* — “преступный, злостный” [4, 879], эксплицируется в новом сочетании *чёрная мафия* (о нарко- и порномафии). Контекстная градация мафии (*легитимная, полулегитимная и совсем чёрная*) актуализирует также не зафиксированную в русских словарях и отмеченную во французском узусе сему “подпольный” (“*clandestin*”).

Некоторые метонимические фразеологизмы с прилагательным *чёрный* уже осмыслены как носители политических символов (*чёрные рубашки*). Появление в языке политики словосочетания *чёрные береты* относится к 80-м годам. Аналогично *зелёным беретам* оно обозначало иностранную реалию: “спецвойска США, предназначенные для проведения диверсионных операций в других странах” [3, 256]. Определение *диверсионный* привнесло отрицательные политические коннотации в семантику *чёрных беретов*.

В политическом дискурсе 1991 года выражение *чёрные береты* означает новую социальную реалию “ОМОН” (отряд милиции особого назначения). Иногда в тексте встречаются *серые береты*, или просто *береты*. Все они имеют одно соответствие *bérets noirs*.

Возникнув как региональное название (*Их называют в Латвии чёрные береты* [“МН”. — 1991, №2]), оно распрост-

ранилось благодаря газете и стало общеязыковым. Прилагательное *чёрный* в данном случае не имеет символического смысла и употребляется в своём прямом значении. В речи метонимия *чёрные береты* выполняет функцию номинации социального референта. Однако экстралингвистические факторы обуславливают выдвижение на первый план другой функции — социально-оценочной. Политическая дифференциация общества стала причиной разнонаправленности идеологического компонента: *чёрные береты* — это, с одной стороны, *крутые ребята (les durs)*, а с другой, *вооружённые бандиты (les bandits armés)*. Отрицательное восприятие в некоторой степени дополняется аллюзивными коннотациями омонима *американские чёрные береты*.

Прилагательное *чёрный* встречается в политическом фразеологизме *чёрный (ядерный) чемоданчик (la valise noire, les mallettes noires)*. Во французском языке семантический эквивалент отсутствует, поэтому содержание кальки раскрывается в контексте.

Прилагательное *зелёный* отличается богатством переносных значений и широтой сфер функционирования. В газете оно употребляется в двух случаях:

1) *зелёные (les verts)* — международное название экологического движения и его представителей;

2) неологизм *зелёные* и уменьшительное *зелёненькие (dollars)* — денежная единица, доллар.

Сначала эта форма была характерна для разговорного языка, а затем она вошла и в газетный узус. Контекстуальным синонимом *зелёных* является нейтральное слово “доллар”

и разговорное “баксы”. Социально-символическое значение связано с метонимическим переносом цвета купюры на её название. Лексическая новация *зелёные* стала основой авторской метафоры *И только доллар вечно зеленеет* [“МН”. — 1991, №5], в которой игрой слов выражена ассоциативная связь цвета и переносной оценочной семантики “твёрдая валюта”.

Политическое осмысление колоризма *красный* имеет социально-исторический подтекст. Прилагательное получило переносное идеологизированное значение во Франции в XVIII веке (события на Марсовом поле в Париже в 1791 году) и стало символом революционной борьбы французского народа [1, 89]. Позднее эта политическая цветовая метафора была заимствована в России и утвердилась во всём мире как советская реалья. Развитие социальной семантики и выделение идеологически релевантных сем (“революционный”, “советский”, “социалистический”, “коммунистический”) связано с привнесением советским политическим дискурсом позитивного идеологического компонента в лексическое значение слова. Так, ключевой оппозицией цветосимволов политической речи 20-х годов были *красный* (“революция”) со знаком “плюс” и *белый* (“контрреволюция”) со знаком “минус”. Содержание и оценка цветового образа зависели от политической ориентации говорящего.

Социальные коннотации прилагательного *rouge* не одинаковы для всей франкоговорящей общности. Преобладающим являлось негативное восприятие, о чём свидетельствуют словарные пояснения и устоявшиеся пропагандистские стереотипы *красная угроза*, *красная опасность*.

Ценностный переворот затронул систему высших советских приоритетов. Символика красного цвета получает новое когнитивное и прагматическое содержание.

В политическом дискурсе появляется семантический неологизм *красный директор* (*directeur rouge*) или *командир производства* (*grands capitaines de la production*), что создаёт аналогию с историзмом *красный командир*. *Красный директор* — это не новая, а скорее старая социалистическая реалья, которой противопоставляется новый руководитель-рыночник. *Красными директорами* названы представители бывшей хозяйственной элиты, хозяйственной номенклатуры. Получив широкое распространение в политическом узусе, выражение не приобрело в начале 90-х годов устойчивого идеологического компонента. Амбивалентность социальной оценки выражена в таких определениях:

1) с положительной коннотацией: *лучшее, что осталось в советской экономике; хорошо стоящие на ногах и трезво видящие проблемы;*

2) с отрицательной коннотацией: *феодалы со всей полномочной властью; il n'est capable que d'obéir au comité régional du parti, il veille à ses intérêts corporatistes* [“МН”. — 1991, №49].

В политическом дискурсе наших дней словосочетание *красный директор* сохранило свою жизнеспособность и специализировалось в негативнооценочной квалификации.

Прилагательное *красный* в значении *социалистический* употребляется и в оценочной семантической инновации *красный рынок* (*le marché rouge*).

Смена идеологического компонента цветового политичес-

кого символа эксплицируется в отрицательно маркированном контексте:

- *Красные ушли! Яростные “командиры” коллективной собственности, разграбив российскую деревню, исчезли из неё в одночасье* [“МН”. — 1991, №36].

Оценочным глаголам *огрabitь*, *исчезнуть* соответствуют более экспрессивные единицы: фразеологизм *mettre a sac* (разграбить) и химический термин *s'évaporer* (испариться):

- *Les Rouges sont partis! Les farouches défenseurs de la propriété collective après avoir mis à sac la campagne russe s'en sont évaporés en un clin d'oeil* [“МН”. — 1991, №36].

Новая идеологическая оценка усиливается в неологизмах *красно-коричневые* и *красно-коричневая угроза*, созданных на основе сочетания противоположных политических символов (*коричневый* — *фашизм*).

Аналогично *красным директорам* употребляется авторская метафора *красные помещики* о руководителях в сельском хозяйстве. Социальные коннотации являются однозначными и определяются соединением идеологически несовместимых понятий: *красный* (социалистический), *партбилет* и *помещик*. Эксплицитный идеологический компонент словосочетания усилен негативнооценочным глаголом *саботировать*:

- Кто саботирует? “Красные помещики” с партбилетами [“МН”. — 1991, № 7]. Французское соответствие *les hobereaux rouges* является более образным и экспрессивным, так как представляет собой социально переосмысленный зооним. В прямом значении *hobereau* — это маленькая, хищная птица *чеглок*. В XVI веке появилось региональное перенос-

ное значение с пейоративным компонентом “мелкий помещик, терроризирующий своих крестьян” [5, 844]. Со временем оно стало обозначать “помещика” вообще, а исторические коннотации сохранились в словарной помете “презрительное”.

- *Qui sont les saboteurs? Les hobereaux rouges qui ont leur carte du parti* [“МН”. — 1991 №36].

Прилагательные цветообозначения нередко обыгрываются в речи (*L'Armée Rouge a des idées noires*) и употребляются в газетных заголовках (*Les directeurs rouges en peine à modifier la situation*, *О красном директоре замолвите слово* [“МН”. — 1992, №4; 1991, № 48].

Таким образом, в основе символично-политического осмысления цветообозначений лежит национально-культурный фоновый компонент, взаимодействующий с идеологическим компонентом, так как в цветовом символе выражена субъективная оценочная интерпретация социального референта.

Национальное видение мира, сочетающее общее интернациональное и специфическое для данного этноса, проявляется при сопоставлении цветовых обозначений и символов в существовании совпадающих элементов, а также в наличии понятийных и коннотативных лакун. Большинство соответствий имеют эквивалентную семантику и оценочность (чаще всего негативную).

Общественное сознание закрепило в политическом дискурсе за некоторыми цветами определённое социально-символическое содержание и оценочный коррелят. Однако в анализируемый исторический момент наблюдается их семантическая динамика, связанная с появлением новых значений и развити-

ем новых политических коннотаций. Если лексические инновации довольно быстро прошли этап социализации и из региональных названий и специальной лексики стали общераспространёнными, то смена идеологического компонента в данный период ещё полностью не завершилась и многие лексические единицы характеризуются в речи оценочной амбивалентностью, обусловленной различием в идеологии.

Литература

1. Брагина А.А. Лексика языка и культура страны: Изучение лексики в лингвострановедческом аспекте. — М., 1986.
2. Гак В.Г., Ганшина К.А. Новый французско-русский словарь. — М., 1993.
3. Новое в русской лексике. Словарные материалы — 80. — М., 1984.
4. Ожегов С.И. Словарь русского языка. — М., 1991.
5. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française par Paul Robert, — P., 1967.
6. Larousse de la langue française. Lexis. — P., 1979.